

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СМЕНА ЭПОХ

Георгий САТАРОВ,
Региональный общественный фонд
«Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ)

Прошедшие президентские выборы еще до их начала были названы безальтернативными. Обычно это уничижительное поименование связывают либо с административным ресурсом победителя, либо с массивным давлением правительственных и полуправительственных СМИ на избирателей, либо со слабостью конкурентов. Между тем, это всего лишь следствие более общих и более важных обстоятельств. Самое главное состоит в том, что драматически пережитая нами эпоха Ельцина закончилась существенно раньше, чем начались президентские выборы, которые должны были обозначить рубеж двух политических эпох.

Эпоха Ельцина стала заканчиваться сразу после его победы на президентских выборах. И дело не столько в его болезни, сколько в причинах победы.

Наши действия могут объясняться разными мотивами. Во-первых, мы можем сделать что-то «потому, что...». Это значит, что к действию нас побудили какие-либо причины, предшествующие действию, то есть причины нашего действия лежат в

прошлом. Во-вторых, мы можем сделать что-то «для того, чтобы...». Это значит, что своими действиями мы хотим повлиять на будущее, то есть причины нашего действия лежат в будущем. В 1996 г. граждане России, голосовавшие за Ельцина, руководствовались мотивом, который можно обозначить словами «чтобы не дай бог...». К тому моменту Ельцин уже разрушил наше прошлое, от которого большинство хотело уйти. В то же время граждане уже не рассчитывали на Ельцина в будущем, не ожидали от него привлекательно-го проекта этого будущего, не возлагали на него надежды, связанные с воплощением такого проекта. Он нужен был только для одного: ему предназначалось окончательно заколотить дверь в старый чулан под названием «прошлое».

Победив на выборах в 1996 г., Ельцин выполнил свою миссию. Но это стало началом конца эпохи, поскольку другого от него и не ждали. Более того, большинство не надеялось, что он способен на большее. Наконец, многие не хотели, чтобы он был еще на что-то спосо-

бен. Мавр сделал свое дело – мавр может уходить.

К началу 1997 г. в обществе отчетливо обозначился синдром отторжения действующей политической элиты, независимо от ее политической окраски. Конечно, сами представители политической элиты во главе с Ельциным немало сделали, чтобы отвлечь от себя граждан. Но была и объективная причина – медленно, но неуклонно шел процесс адаптации граждан к новым правилам игры. Когда он достиг критической отметки, люди решили, что старая политическая колода уже затерта, и ее надо менять.

Интересно, что этим ожиданиям подыграл и наш первый президент. С ранней весны 1997 г. начались продолжавшиеся до последнего времени смотрины новой политической элиты. Ельцин искал опору своему слабому президентству и преемника, а общество искало новых лидеров. Никто из предложенных Ельциным кандидатов – от Немцова до Путина – не был обделен рейтингом доверия. Общество ждало нового мессии и готово было

увидеть его в любом политике, не относящемся к старой колоде.

Не удивительно, что чем ближе дело шло к выборам, тем больше шансов получали потенциальные преемники Ельцина. Одновременно слабевшее президентство проявляло готовность возложить на них все больше и больше полномочий. По мере дряхления президентской власти в обществе зрело ожидание лидера с качествами, контрастными проявившимся лидером страны в конце его президентства. Путин оказался в нужном месте в нужное время. Но что не менее важно – он проявил качества, которых ожидало общество, в условиях, благоприятных для проявления этих качеств.

Крайне важно еще одно обстоятельство. Смена политических эпох, свидетелями которой мы являемся, объективна и неизбежна. Исторический опыт свидетельствует – период разрушения старого режима, период хаоса и десолидации почти всегда сменяется периодом консолидации и ужесточения режима. Это происходит почти рефлекторно, как реакция на опасность разрушения системы, и охватывает как общество, так и политическую элиту. Конечно, Ельцин предпринимал попытки консолидации политической элиты и общества. Так было в 1994 и 1997 годах. Но он не смог сделать этого по двум основным причинам. Во-первых, он уже не обладал тем ресурсом общественного доверия, которым располагает сейчас Путин. Во-вторых, на плечах первого президента лежал страшный груз разрушения, борьбы, сурового политического противостояния. Ельцину противостояла непримиримая оппозиция, которая принимала в штыки любые его попытки «примирения и согласия». Путина подобный груз не обременяет. Не удивительно, что он был легко принят элитой в качестве кандидата в объединители.

Итак, выборы нового президента начались в 1997 году. Тогда же начался конец эпохи Ельцина, когда выяснилось, что выздоровление президента фактически не возвратило президентству его силу и авторитет.

Однако мы обязаны воздать Ельцину по заслугам. Высокий рейтинг Путина, его победа 26 марта – это одновременно победа Ельцина. Он рискнул сделать решающий выбор, он не лукавил и сделал его публично, он смог довериться и передать преемнику самое дорогое –

руководство силовиками, он вовремя покинул свой пост, облегив победу Путину.

Таким образом, безальтернативность выборов, о которой говорили все, – это всего лишь синоним неизбежности смен политических эпох, это обозначение того обстоятельства, что реальные выборы состоялись много раньше того дня, когда граждане пришли к урнам и юридически оформили состоявшийся ранее выбор.

Сделанные выше замечания позволяют наметить предварительные контуры формирующегося режима, которому политологи уже дали наименование «управляемая демократия». Но чтобы его характеризовать и понять его необходимо сравнить с тем режимом, который сейчас передает свои полномочия.

Управляемая демократия, в которой лидирующую роль играет один из институтов власти, монополизирующий властные полномочия, – это путь по лезвию бритвы, который предстоит пройти власти. По одну сторону – диктатура, по другую – путь к полноценной демократии

Его, в свою очередь, можно назвать «неконсолидированной демократией». Это означает, во-первых, острое политическое противостояние внутри режима, периодически создающее угрозы его стабильности или даже существованию. Во-вторых, он характеризуется отсутствием единой системы ценностей, которые разделяются всеми системными политическими силами и подавляющей частью населения страны. В-третьих, неконсолидированной демократии свойственно ослабленное правовое регулирование. Наконец, в-четвертых, такой режим не опирается на сильное гражданское общество. Таким образом, неконсолидированная демократия – это неполная демократия, недоразвитая демократия. Значит, переход от неконсолидированной демократии к управляемой демократии означает преобразование неполной демократии из одной формы в другую.

Управляемая демократия – не российское изобретение. После второй мировой войны строительство демократии в Западной Германии управлялось оккупационными войсками. Понадобилось более двадцати лет такого управления,

чтобы сформировался полноценный демократический режим. Однако есть много примеров тому, как управляемые демократии превращались в диктатуры. Подобным образом многие политические режимы в Латинской Америке в конце прошлого – первой половине нашего века следовали по стандартной траектории: «анархия неконсолидированной демократии – управляемая демократия – диктатура».

В нашем случае переход к управляемой демократии будет означать существенное уменьшение роли горизонтального и вертикального разделения властей. Мы уже являемся свидетелями начала этого процесса: я имею в виду установление контроля исполнительной власти над Государственной Думой. Следующий ожидаемый шаг –

повышение контроля над региональными властями, а значит – над Советом Федерации. В результате законодательный процесс будет полностью контролироваться исполнительной властью, точнее – президентом страны.

Можно предположить, что подобный контроль будет устанавливаться без существенного изменения Конституции и законов. У власти достаточно рычагов – административных, политических, экономических, информационных, которыми она сможет воспользоваться.

Управляемая демократия, в которой лидирующую роль играет один из институтов власти, монополизирующий властные полномочия, – это путь по лезвию бритвы, который предстоит пройти власти. По одну сторону – диктатура, по другую – путь к полноценной демократии.

Нетрудно указать на характерные признаки, которые будут указывать, куда вырывает власть. Первый – склонность к простейшим решениям. Даже принимаемые из лучших побуждений, они мостят дорогу к диктатуре. Вторым признаком – готовность к партнерству с гражданским обществом. Если власть будет открытой и готовой к такому партнерству, то это будет означать, что мы все еще не сошли с дороги на пути к демократии.

И последнее. Мы уже живем в стране, в которой власти подвластно не все. Многое зависит от нас самих, от нашего стремления отстаивать свои права, опираясь на Конституцию и законы, или от готовности подчиниться диктатору в слепой вере в то, что наша жизнь полностью находится в руках власти.